

Васендин Сергей Сергеевич

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ (И. А. ИЛЬИН, С. Н. БУЛГАКОВ)

В статье рассматриваются точки зрения двух представителей русской религиозно-философской мысли первой трети XX столетия - И. А. Ильина и С. Н. Булгакова - на духовное наследие Л. Н. Толстого. Установлено, что, несмотря на их различия в аргументации, в характере эмоционального восприятия творчества писателя, оба автора обнаруживают удивительное сходство глубинных мотивов своих оценок. Своеобразие их позиции видится в стремлении снять ореол сакральности с образа русского писателя, тем самым изменить господствующие представления о роли "литературного гения" в глобальной картине мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 20-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Кассирер Э.** Познание и действительность. (Понятие о субстанции и понятие о функции). СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1996. 450 с.
5. **Кешоков А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. Нальчик: Эльбрус, 2004. Т. 1. 512 с.
6. **Тхагазитов Ю. М.** Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1996. 256 с.

INDIVIDUAL TOPOLOGICAL MODELS OF A. KESHOKOV

Borova Asiyat Ruslanovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
assbora@mail.ru

The article examines the problem of the evolution of topological views of the famous Kabardian writer A. Keshokov. The topicality of the work is conditioned by the fact that the full worldview in its ethnic form is impossible beyond a spatial continuum, in the framework of which in its turn the persuasiveness of the verbal paintings is achieved. The paper shows the process of rise of the national aesthetic consciousness of the Adyghe to the complex schemes of artistic universe by the example of lyrical works of the Kabardian poet.

Key words and phrases: continuum; topological model; archetype; A. Keshokov; other ethnic toposes; the Kabardian poetry; the Adyghe folklore.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются точки зрения двух представителей русской религиозно-философской мысли первой трети XX столетия – И. А. Ильина и С. Н. Булгакова – на духовное наследие Л. Н. Толстого. Установлено, что, несмотря на их различия в аргументации, в характере эмоционального восприятия творчества писателя, оба автора обнаруживают удивительное сходство глубинных мотивов своих оценок. Своеобразие их позиции видится в стремлении снять ореол сакральности с образа русского писателя, тем самым изменить господствующие представления о роли «литературного гения» в глобальной картине мира.

Ключевые слова и фразы: русская литература; Л. Н. Толстой; И. А. Ильин; С. Н. Булгаков; духовные искания; сопротивление злу.

Васендин Сергей Сергеевич

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
timservas@rambler.ru

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ (И. А. ИЛЬИН, С. Н. БУЛГАКОВ)

Интерес к творчеству и личности Л. Н. Толстого в истории их осмысления оказался наиболее интенсивным в период между двумя большими юбилеями русского писателя: еще прижизненного восьмидесятилетнего, 1908 г., и столетнего (уже посмертного), 1928 г. На это обстоятельство уже обращали внимание исследователи, в том числе и автор этой статьи в своих более ранних выступлениях в печати [7, с. 89]. Хотя справедливости ради стоит отметить, что интенсивность публикаций, посвященных творчеству Л. Н. Толстого, была обусловлена в этот период не только «юбилейной лихорадкой», но и иными обстоятельствами, выпавшими на это время. Среди них: смерть писателя (1910 г.), а также события двух русских революций 1917 г., кардинально изменивших социальный ландшафт России и тем самым заставивших более пристально всматриваться в творческое наследие великого русского писателя XIX – начала XX столетия, в котором справедливо усматривали глубинную связь с этими «великими потрясениями», а то и прямо указывали на него как на «зеркало русской революции» (В. И. Ленин).

Особое место в этом процессе заняла публицистика представителей религиозно-философского крыла русской мысли. Для них, несомненно, особый интерес заключали в себе религиозные искания великого русского писателя.

В центре внимания этой статьи два наиболее ярких представителя этого направления, обнаруживающих, как это может показаться, весьма разнящиеся точки зрения на творческое наследие Л. Н. Толстого, – И. А. Ильин и С. Н. Булгаков.

И. А. Ильин – представитель радикальных политических и философских взглядов, ярый противник коммунизма, за что в 1922 г. был выслан большевиками за пределы Родины. В период эмиграции проживал в Германии, где и сформировались его философские воззрения, отразившие тяжесть последствий целой череды катаклизмов российской действительности. Интерес И. А. Ильина к Л. Н. Толстому обнаруживает себя как раз в период эмиграции в 20-е годы XX века. В это время им написана работа, наиболее полно раскрывающая оценки философа, – «О сопротивлении злу силою» (1925). В центре внимания здесь – известный тезис русского писателя о «непротивлении злу». В последние десятилетия эта работа не раз приковывала к себе пристальные

взгляды современных исследователей: А. Г. Долгого «Антропологический смысл полемики о природе добра и зла в русской духовно-философской традиции (Л. Н. Толстой, И. А. Ильин, Н. О. Лосский)» (2009) [3]; М. В. Финько «Религиозно-философская концепция русской культуры: На материале работ И. А. Ильина» (2004) [9]; Е. Д. Мелешко «Философия непротivления Л. Н. Толстого: Систематическое учение и духовный опыт» (1999) [5]; В. А. Цыпка «Проблема борьбы со злом в философии И. А. Ильина» (1995) [10]; Е. В. Демидовой «Идея ненасилия в русской общественно-философской мысли первой трети XX века» (1996) [2].

Оценки И. А. Ильина, который был последовательным противником победившей революции, направлены на то, чтобы раскрыть глубинную суть ошибочных суждений Л. Н. Толстого. Поиск причин русской катастрофы видится русским философом в ошибках и заблуждениях национальной интеллигенции, к которой он относил и Л. Н. Толстого: «Так случилось, что учение графа Л. Н. Толстого и его последователей привлекало к себе слабых и простодушных людей и, придавая себе ложную видимость согласия с духом Христова учения, отравляло русскую религиозную и политическую культуру» [4, с. 5]. Для И. А. Ильина тезис о «непротivлении злу» – это «попустительство злодеянию». Допущение же «можно рассматривать как форму соучастия злу» [2, с. 12]. Но истоки этого «попустительства» автор видит, прежде всего, в ошибках Л. Н. Толстого как мыслителя, который не вобрал духовного опыта (в том числе и религиозного), исходит из личных переживаний, игнорируя традиции. Его учение «всецело покоится на недостаточном, неверном духовном опыте – чисто личном, предметно непроверенном, философски незрелом» [4, с. 353]. Ответ на вопрос о сопротивлении злу требует глубокого философского осмысления, зрелого духовного опыта.

Важно отметить, что для И. А. Ильина Л. Н. Толстой, взявший на себя роль «пророка», «учителя», по сути, представлял собой слабого неискущенного мыслителя. По его мнению, «философствующему писателю всегда стоит сомневаться в своей правоте» [Там же, с. 57]. Л. Н. Толстой превращает «философское искание в субъективное излияние, а учительство – в пропаганду своего личного уклада со всеми его недостатками и ошибками» [Там же]. Он считает свою аргументацию абсолютно истинной, не пытается посмотреть на проблему с другого ракурса, демонстрирует очевидную односторонность мышления, что, в определенном смысле, и ведет его по пути создания лжеучения. Л. Н. Толстой «видит в идее зла элемент ненависти и не видит элемента противодуховности» [Там же, с. 58], в результате добро обретает форму чего-то маловажного, несущественного, а зло преподносится в безобидной, легко укротимой форме. В философском учении Л. Н. Толстого И. А. Ильин выделяет следующие тезисы: «живое чувство жалостливого сострадания, именуемое “любовью” и “совестью”, и, доктринерский рассудок, именуемый “разумом”. Именно эта форма рассудочной морали и придает учению Л. Н. Толстого “черту своеобразного эгоцентризма и субъективизма”» [Там же, с. 67].

Все размышления И. А. Ильина сводятся к развенчанию образа «Толстого – пророка». Автор приходит к выводу, что Л. Н. Толстой не совершенен, потому как отошел от традиций, видит истину лишь в себе самом. На самом же деле он – простой необразованный человек, попустительствующий злодеяниям, что само по себе диссонирует со статусом «пророка», каким себя вольно или невольно наделил. Все его учение состоит сплошь из логических ошибок. Одна из них – воззрение на «природу» и «человеческое общество»:

1) «Природа божественна и благодатна, создана Богом, где все основывается исключительно на любви, и насилью нет места на существование» [Там же, с. 89].

2) Внешний мир представляется как «мир розни, вражды и эгоизма», он «лежит во зле и соблазнах», в нем царит «неотразимый» «закон борьбы за существование и переживание способнейшего и этот закон руководит жизнью всего органического мира, а потому и человека, рассматриваемого как животное» [Там же].

Именно второй из двух взаимоисключающих текстов, раскрывающих природу «внешнего мира как среды глубоко противоморальной», по мнению И. А. Ильина, «ведет к проповеди *аскетизма, опрощения и непротivления*» [Там же, с. 91].

Концепция внешнего мира Л. Н. Толстого заключается в том, что моралист, отвергая принуждение как абсолютно ненужное явление, созерцает мир, словно богоустроенную идиллию; или же он рассматривает его как «некое царство страстей, греха и лжи, в котором принуждение, может быть, было бы и нужно, и целесообразно» [Там же, с. 165]. В понимании И. А. Ильина, Л. Н. Толстой целиком и полностью зависим от своих сентиментальных порывов, прямолинеен в отрицании общепринятых ценностей и взглядов, движется вперед, не замечая на своем пути никаких затруднений и противоречий. По мнению философа, все миропонимание Л. Н. Толстого восходит к его личному моральному опыту «во всей его плоской скудости, а каждое свое близорукое соображение он принимает за проявление критической честности и мудрости» [8, с. 332].

В своей работе И. А. Ильин пытается осмыслить проблему зла и пути борьбы с ним, приходя к весьма жесткому выводу: «Физическое пресечение и понуждение могут быть прямой религиозной и патриотической обязанностью человека, и тогда он не вправе от них уклониться» [4, с. 2]. Вследствие выполнения этой обязанности он становится участником бескомпромиссной исторической борьбы «между слугами Божьими и силами ада» [Там же]. Для него свершившиеся революционные события – следствие грубых ошибок русской интеллигенции во главе с Л. Н. Толстым. И поэтому осмысление итогов духовных исканий последнего превращается у И. А. Ильина в своеобразный опыт снижения образа великого «пророка» и «учителя», он решительно отвергает всякое пафосное предствление о графе Толстом, подвергая сознательной десакрализации его образ, образ человека, претендовавшего на роль «пастыря». Попустительство и безграмотность в его рассуждениях становятся основной причиной, приведшей к разрастанию жестокости и насилия в мире.

С. Н. Булгаков пишет свои основные работы о Л. Н. Толстом задолго до большого русского революционного взрыва («Л. Н. Толстой» (1910); «Простота и опрощение» (1912); «Человекобог и человекозверь» (1912)),

что обусловило более умеренную тональность оценок русского писателя. В его работах иначе расставлены смысловые акценты. Автор видит противоречия Л. Н. Толстого в глубинной традиции, уходящей в века, в контексте христианского и языческого начал в образе мысли писателя. В нем коренится опыт далекой доисторической эпохи, генетически уходящий к древним славянам. В Толстом, помимо религиозной составляющей, в полной мере отражается вся анархическая и нигилистическая стихия его народной души, которая таит в себе «наследие степного кочевья и вольницы, задержанную аморфность» [1, с. 154]. Эта стихия также свойственна и всей нашей интеллигенции, и обе они, удивительным образом сочетаясь и чередуясь, синхронно окрашивают собой его учение. И все это анархическое, возникающее из глубин веков, столкнулось с современной цивилизацией. В некоторой степени, даже несмотря на самые негативные отклики на учение Толстого о государстве, мыслитель видит в нем зерно рациональности, высшую правду, находящую отражение в его учении.

Подчеркивая связь Л. Н. Толстого с глубокими дохристианскими традициями, С. Н. Булгаков тем самым усматривает в нем нечто архаичное, языческое, что и намекает на глубинные противоречия в образе писателя (между «Толстым – человеком» и «Толстым – религиозным мыслителем»). Совсем по-другому, чем И. А. Ильин, но так же последовательно С. Н. Булгаков стремится «развенчать» безусловность религиозных и философских суждений Л. Н. Толстого, но в более мягких формах: «В Толстом было нечто глубинное, потустороннее, но это была потусторонность не божественного мира, а природной души, великого Пана» [Там же, с. 220]. В Л. Н. Толстом он подчеркивает значимость самого факта его явления в мир в «минуты роковые», отсюда и весь пафос его заявлений: «величайший гений эпохи, притом не только своего народа, но и всего человечества, все напряжение своих сил отдает исканию религиозного смысла жизни, приносит на алтарь религии» [Там же, с. 222]. Л. Н. Толстой является своего рода символом религиозных исканий, свидетелем религии в эпоху беспрецедентного триумфа механического мировоззрения, прославления внешней «культуры», «поклонения вещам и идолам». В схватке с этими противодействующими силами он использует «всю тяжесть своего гения» в качестве решающего аргумента в пользу праведности своего учения, заставлявшего прислушиваться к себе.

Однако для С. Н. Булгакова истинное сближение с христианством у Л. Н. Толстого чувствуется лишь в этике, «однако в христианстве этика имеет не самостоятельное, а производное значение, подчинена догматике и, оторванная от этой последней, получает совсем иной смысл» [8, с. 409]. С. Н. Булгаков отмечает, что Л. Н. Толстой не ощущает себя окончательно отделенным от церкви, в этом контексте, скорее всего, усматривается некое «временное недоразумение», которое в скором времени может обнаружиться, «завеса упадет, и Толстой сам лучше поймет себя, нежели доселе» [Там же, с. 410]. Он именует Толстого «великим художником слова», наивысшим призванием которого считал «служение искусству». Но на пути к «новому религиозному самоопределению» пред ним встала «новая религиозная задача» – «стать художником своей собственной души» [Там же, с. 414]. И для решения этой задачи Л. Н. Толстому был необходим «религиозный самоконтроль», благодаря которому ему следовало «сделаться орудием Высшей Воли». В конечном счете, жизнь Л. Н. Толстого превратилась в противоборство двух начал: «человеческого» и «божеского», где «религиозная личность вступает в борьбу с человеческой гениальностью и усиливается либо поднимает ее до себя и растворить в себе, либо совсем умертвить» [Там же].

Для С. Н. Булгакова Толстой – борец с обветшалыми принципами. Л. Н. Толстой обращается к культурным истокам (к ранним формам религиозного осмысления мира). В этом, очевидно, и его сила, и его слабость, которые выливаются в откровенные противоречия: религиозная личность и человеческая гениальность. Все это выглядит очень возвышенно, пафосно и по форме отличается от позиции И. А. Ильина (более резкого в своих негативных оценках). Но сам установленный С. Н. Булгаковым факт противоречивости Л. Н. Толстого, безусловно, лишает его образ одной очень важной составляющей. Он – не пророк, не духовный пастор. Стремление к развенчанию, десакрализация образа русского писателя слышится у С. Н. Булгакова столь же отчетливо, как и у И. А. Ильина.

И в этом совпадении вектора оценок двух русских философов, несмотря на их расхождения в логике рассуждений о русском писателе, мы склонны усматривать некое знамение времени. Как представляется, общая задача не только двух представленных мыслителей, но и гораздо большего круга самых разнообразных авторов, приложивших в эту эпоху свою руку к делу осмысления наследия великого русского писателя, состоит в том, чтобы подвергнуть сомнению его пророческий дар. В конечном счете, подвергнуть сомнению саму смысловую формулу, возникшую в классический период русской литературы и закрепившую за любым по-настоящему «великим писателем» безусловный дар «великого пастора». Известное изречение Аполлона Григорьева, обращенное к гению русской литературы («Пушкин – наше все»), утверждало и закрепляло именно этот подход к несомненному литературному авторитету. На новом историческом этапе (первая треть XX века) образ Л. Н. Толстого, тоже безусловного литературного гения, потребовался в литературном и философском дискурсе для того, чтобы снять этот ореол сакральности с образа творческой личности, присвоенный ему предшествующей эпохой.

Усилия двух представителей религиозно-философского течения русской мысли первой четверти XX века (И. А. Ильина и С. Н. Булгакова) в осмыслении духовного наследия Л. Н. Толстого определялись общим вектором развития, сформулированным этим «переходным периодом» [6, с. 109] нашей литературной истории. Суть этого «перехода», как видится, состоит в кардинальном изменении представлений о месте и роли творческой личности «литературного гения» в глобальной картине мира. Создаваемый коллективными усилиями образ Л. Н. Толстого как непоследовательного, противоречивого, ошибающегося гения отвечал этой общей эпохальной потребности.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. О религии Л. Толстого. М.: Путь, 1912. 248 с.
2. Демидова Е. В. Идея ненасилия в русской общественно-философской мысли первой трети XX века: книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» и полемика вокруг нее. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 20 с.
3. Долгий А. Г. Антропологический смысл полемики о природе добра и зла в русской духовно-философской традиции (Л. Н. Толстой, И. А. Ильин, Н. О. Лосский). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 153 с.
4. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. Основы христианской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litres.ru/ivan-ilin/o-soprotivlenii-zlu-silou> (дата обращения: 14.02.2017).
5. Мелешко Е. Д. Философия непротивления Л. Н. Толстого: систематическое учение и духовный опыт. М.: ИФ РАН, 1999. 378 с.
6. Николаев Н. И. Русская литературная травестия. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века: учебное пособие для спец. курса. Архангельск, 2000. 119 с.
7. Николаев Н. И., Васендин С. С. В. И. Ленин о Л. Н. Толстом (к вопросу об эволюции взглядов и оценок) // Современная филология: теория и практика. М.: Институт стратегических исследований, 2015. С. 89-93.
8. Толстой Л. Н.: *pro et contra* / сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2000. 984 с.
9. Финько М. В. Религиозно-философская концепция русской культуры: на материале работ И. А. Ильина: дисс. ... д. филос. н. М., 2004. 303 с.
10. Цвык В. А. Проблема борьбы со злом в философии И. А. Ильина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. 110 с.

L. N. TOLSTOY AND HIS SPIRITUAL SEARCH IN THE EVALUATION OF THE RUSSIAN
RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL CRITICISM (I. A. ILYIN, S. N. BULGAKOV)

Vasendin Sergei Sergeevich

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Branch) in Severodvinsk
timservas@rambler.ru

The article deals with the point of view of two representatives of the Russian religious-philosophical thought of the first third of the twentieth century – I. A. Ilyin and S. N. Bulgakov – on L. Tolstoy's spiritual heritage. It is found that, despite the differences in reasoning, in the nature of the emotional perception of the writer's creativity, both authors reveal surprising similarities underlying the motives of their evaluation. The singularity of their position is seen in an effort to remove the halo of sacredness from the image of the Russian writer and in such a way to change the prevailing ideas about the role of "the literary genius" in the global worldview.

Key words and phrases: the Russian literature; L. N. Tolstoy; I. A. Ilyin; S. N. Bulgakov; spiritual search; non-resistance to evil.

УДК 821.111:314.15

Статья посвящена анализу «шотландского времени» на основании двух типов темпоральной организации поэтических текстов шотландских поэтов-эмигрантов: кольцевой и целенаправленной. Обнаружено, что кольцевая темпоральная организация представлена образом Родины как «Шотландии вечной», целенаправленная темпоральная организация реализуется во времени историческом (в диахронии: Шотландия со времен Роберта Брюса до Шотландии, современной авторам).

Ключевые слова и фразы: Шотландия; «шотландское время»; эмиграционистика; Шотландия; США; поэт-эмигрант.

Велилаева Лилия Раимовна

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
lilivelilaeva@yandex.ru

ОБРАЗ ПЕРВОЙ РОДИНЫ-ШОТЛАНДИИ: ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ

В статье анализу подвергнуто «шотландское время» как один из важнейших инструментов создания образа Родины (Шотландии) и воспитания патриотического мировосприятия. Для такого анализа потребовалось проследить за 2 типами темпоральной организации изучаемых текстов: 1) *кольцевой* (мифопоэтическая модель «вечного возврата») и 2) *целенаправленной* (историческая модель «прогресса») [1; 2; 3].

Первая, мифопоэтическая модель, реализует образ Родины как «Шотландии вечной» (Scotland Forever, Mither Land, Home Land). Вторая, историческая модель, строит образ Родины от «Шотландии Уоллеса» до «Шотландии нашей» (Our Own Land).

«Кольцевое» время основано в произведениях шотландской диаспоры на тех же ситуациях виртуального путешествия на прежнюю Родину. Но теперь они дополнены (чаще всего к финалу) ситуацией «вечного